

ОБЫЧАИ ВОЙНЫ XVI В. И МОТИВАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ НАЕМНЫХ СОЛДАТ*

С конца XV в. в Западной Европе начинают набирать силу кардинальные и комплексные изменения в системе военной организации, результатом которых стало превращение армии в постоянно функционирующий государственный институт. Одним из основных элементов преобразований в военном деле явилось изменение системы комплектования войск; характерной чертой времени становится все более и более массовое применение контингентов наемных солдат, формировавшихся в первую очередь на мононациональной или региональной основе. Некоторые регионы превратились в своего рода поставщиков военных наемников для всех государств Европы. Повсеместную известность своими боевыми достоинствами приобрели швейцарская пехота, немецкие ландскнехты и рейтары¹, албанские и далматинские страдиоты (легкая кавалерия), блестящую репутацию имели испанские терции, состоящие из кастильцев, славились также гасконцы и шотландцы. Распространение наемничества тесно связано с экономическим развитием этих регионов: там, где существовал избыток населения и при этом был ограничен ресурс земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, военное наемничество становилось для населения одним из основных видов трудовой деятельности, устойчивой традицией, существовавшей из поколения в поколение. Основными контингентами наемников стало в первую очередь население из горных районов: швейцарцы, австрийцы, кастильцы, шотландцы и т.д. Для этих наемников характерным было особое отношение к войне как к тяжелому и опасному для жизни ремеслу, способу заработать себе на жизнь, что диктовало отличные от игровых, «куртуазных», рыцарских манеры ведения войны, психологию и поведенческий комплекс как в отношении своего противника, так и в отношении мирного населения.

Пионером в установлении новых правил войны стала появившаяся во время Бургундских войн швейцарская пехота, которая дала мощный импульс, под воздействием которого начала развиваться вся наемная пехота Западной Европы. Глубокое построение швейцарской баталии (или «ежа») наподобие античной фаланги, насчитывающее в своем составе несколько тысяч человек, вооруженных длинными пиками и алебардами давало возможность не только успешно противостоять атакам кавалерии, но и атаковать самим. При этом боевые качества отдельных бойцов могли быть минимальны: от них требовались не столько искусство владения оружием и храбрость (как заметил французский маршал Гаспар де Таванн, длинные пики в шесть метров, которыми вооружены швейцарцы, делают смельчаками даже самых трусливых, поскольку не подпускают противника ближе чем на 20 футов²), сколько хладнокровие, дисциплинированность и согласованность действий; залогом побе-

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ. Проект № 01-01-00397а.

ды были численное преимущество и ударная сила единого строя. Коллективный рукопашный бой в строю достаточно слеп, часто невозможно даже понять, чей удар ты отражаешь, при этом защищать надо и себя, и своего соседа в строю, учитывая напор задних рядов. Обменявшись парой ударов с одним противником, ты через минуту оказываешься разделенным с ним и вступаешь в бой со следующим. Огнестрельное оружие только усилило этот эффект: смерть стала обезличенной и потому, что она приходит от противника, которого ты не видишь в лицо, и от твоих боевых качеств здесь вообще ничего не зависит. Неслучайно в массовом сознании самих военных XVI в. у огнестрельного оружия была репутация «оружия трусов»³. Когда распространение в пехоте ручного огнестрельного оружия приобрело массовый характер, навыки ведения индивидуального рукопашного боя обесценились еще больше. Кроме того, надо учитывать, что в описываемую эпоху систематизированного обучения солдат фактически не было, и профессионализм достигался путем естественного отбора, когда выживали сильнейшие, получив таким образом необходимый боевой опыт.

С одной стороны, обезличивание противника приводит к менее агрессивному отношению к нему, поскольку с ним нет личной связи, привносящей ненависть к конкретному врагу, но с другой стороны, коллективная форма сражения рождает и коллективное чувство боевого единства, ответственности за собратьев по оружию. Менее индивидуальная форма боя обесценивает индивидуальную славу любого отдельного участника боя, который теперь делит ее с отрядом, в котором сражается бок о бок. Наиболее рано и явно ощущение сплоченности возникает у национальных⁴ формирований: швейцарцев, немецких ландскнехтов, гасконцев и испанцев, которые, по словам известных французских полководцев того времени — маршала Таванна и Блеза де Монлюка, сражаются не только за деньги, но и за честь нации⁵. Чувство национального единства и достоинства нации в XVI в. принимает форму настоящей конкуренции и соревнования национальных военных контингентов, оспаривающих первенство и превосходство над остальными.

Особенности солдат разных наций очень занимали военных XVI в., учитывающих этот фактор в своего рода инструкциях, которые можно найти, например, в мемуарах и трактатах французских военных авторов той эпохи. Надо отметить, что эти размышления о различности свойств солдат разных наций весьма далеки от теоретического деления народов на северные и южные, как это было у Никколо Макиавелли и ряда других авторов-гуманистов, писавших в XVI в. о войне и ставивших воинственность наций в зависимость от климата⁶.

У авторов военных мемуаров XVI в. речь идет исключительно о чертах национального военного характера, проявляющихся на практике. Швейцарцы как солдаты вне конкуренции, их боевые качества никто даже не пытается оспаривать. Маршал Таванн пишет, что итальянские солдаты не бросаются в бой, если заранее знают, что им предстоит слишком опасное дело; французские и испанские солдаты выходят из боя, если он принимает неблагоприятный для них оборот, а швейцарцы

настолько тупы, что раньше умрут все до одного, прежде чем поймут грозящую им опасность⁷. Швейцарцев отличает также строгая дисциплина: они не грабят население, оплачивают все, что берут, живут достойной жизнью⁸. Отмечается и их пристрастие к хорошей выпивке и еде⁹, преданность тому, к кому они нанялись на службу¹⁰. Но в целом мнение французов о целесообразности использования швейцарцев скорее отрицательное, и дело здесь не только в простом желании заменить дорогостоящих иностранных наемников на солдат-соотечественников. Главное качество швейцарцев, которое, как считают наши авторы, серьезно препятствует их применению, это то, что они не терпят и малейшей задержки платы за свои услуги. Как пишет в своих мемуарах один из наиболее выдающихся французских военачальников XVI в. Блез де Монлюк, «они не получают плату словами», не терпят они и отсутствие провианта». Кроме того, они не сражаются против своих соотечественников, могут вести себя капризно, то требуя сражения, то отказываясь от него. По мнению Таванна, швейцарцев бесполезно применять в Италии, так как они напоминают медведей — дерутся хорошо тогда, когда их хорошенько разъярят, (такой красной тряпкой для них являются прежде всего их исконные враги — австрийцы)¹². Эти черты не раз приводили к тяжелым поражениям, как в битве при Биккоке, которую иначе называли «битвой швейцарцев», когда самоуверенность швейцарцев, их капризы стоили французам не только поражения в одном этом сражении, но и полностью проигранной военной кампании. По своему вооружению и манере боя они приспособлены для полевых сражений, поэтому их неэффективно использовать в обороне города¹³. Итальянцы — «этот народ абсолютно невоинственен, он состоит из многих наций... Это больше не род Цезарей, Катонов, Сципионов, там слишком много наслаждений и сластолюбия, чтобы производить военных в большом количестве»¹⁴. Однако они более терпеливы и выносливы по сравнению с французами и немцами, поэтому они лучше несут гарнизонную службу и выдерживают все тяготы осады¹⁵. Самое негативное мнение французы имели о немецких солдатах, прежде всего ландскнехтах. Они и склонны к мятежу, и беспощадны к мирному населению, они и рабы своего пьянства и обжорства¹⁶. Впрочем, в гурманстве французы ничуть не отстают от немцев. У всех у них, как пишет Таванн, «желудок с молодости увеличен излишествами в еде»¹⁷; командовавшего обороной г. Сиены Монлюка немецкие наемники буквально потрясли своей способностью поглощения еды и вина из скудных запасов продовольствия блокированного со всех сторон города¹⁸. Немцы хорошие солдаты в полевых сражениях, но их совершенно невозможно применять для обороны городов, поскольку они не склонны терпеть и малейшего недостатка еды и вина¹⁹. По общему мнению французских военных, с тех пор как немецкие дворяне стали предпочитать службу в рейтарах, боевая ценность ландскнехтов сильно уменьшилась²⁰. Репутация лучших солдат была у испанцев, чье послушание и четкая организованность часто приносились как образцовые²¹.

Что касается собственных пороков, то французские военные здесь достаточно самокритичны. Это прежде всего отсутствие терпения, способность предпринимать длительные усилия²², безрассудство и непредусмотрительность, а также желание непременно доказать свое превосходство как над противником, так и по отношению друг к другу, откуда склонность французов к внутренним раздорам, дракам и поединкам²³. Распространенное мнение, восходящее еще к высказываниям Юлия Цезаря о галлах, гласило, что первый натиск французов ужасен и трудно отразим, зато в случае его неудачи они становятся слабее женщин²⁴. Первая часть этой формулы разделяется и самими французами (как пишет военный мемуарист Франсуа Рабютен, «первая ярость атаки французов сметает все на своем пути и невыносима»²⁵), но, по их мнению, в том, что французы и дерутся, и бегут за компанию, нет ничего исключительного — все остальные нации поступают точно так же²⁶; от этого можно избавиться, если приучить французских солдат к дисциплине²⁷. Англичане, которые по словам Монлюка, со времен Столетней войны имели репутацию людей, каждый из которых стоит двух французов, людей, которые никогда не бегут и не сдаются, перестали цениться столь высоко — они не выдерживают рукопашного боя и бегут от аркебуз²⁸. Такое изменение в англичанах-военных гасконцев Монлюк связывает с тем, что ранее половина их войск состояла из гасконцев, которые и задавали тон, а теперь англичане воюют одни и становятся всякий раз беспомощны, когда бессильны их луки²⁹. Гасконь — это настоящий питомник солдат, и это мнение гасконца Монлюка подтверждается и известным военачальником французских гугенотов эпохи религиозных войн Франсуа де Ла Ну³⁰; вообще же военная репутация гасконцев и отдельно выделявшихся басков была весьма высокой и у противников французов: гасконская пехота долгое время вообще считалась вообще единственной чего-либо стоящей, боеспособной пехотой французов и упоминалась всегда отдельно³¹. Таванн дает вообще весьма интересную географию отдельных регионов разных стран, откуда выходят лучшие солдаты. Лучшими солдатами пехоты он называет кастильцев, миланцев, гасконцев, бургундцев, а также выходцев из Шампани и Лангедока. Худшими — португальцев, романцев, бретонцев, нормандцев и провансальцев. Лучшую кавалерию дают Бургундия, Шампань и Пикардия, лучших рейтар — Померания и Франкония — Таванн сам не знает почему³².

Старые банды³³, сформированные на такой национально-региональной основе, весьма дорожили своей боевой репутацией, поскольку для них высокая репутация означала более высокое жалование, почет и славу, дававшие чувство принадлежности к элите. Репутация каждого отдельного бойца служила общей репутации отряда, которая, в свою очередь, связывалась с репутацией ее капитана. Поэтому забота об общей «чести мундира» имела и материальный смысл: от престижа отряда зависело, будут ли солдаты получать большее или меньшее жалование и как регулярно оно будет выплачиваться, будут ли они оставлены на службе в

гарнизонах или в свите частных лиц или же будут полностью распущены, зачастую даже без выплаты задолженного королем жалования.

Вообще вопрос материального обеспечения, жалования оказывал большое, если не определяющее влияние на стереотип солдатского поведения. Надо учитывать полное отсутствие каких-либо мер социальной защиты по отношению к искалеченным, состарившимся, больным и потерявшим по иной причине свою «трудоспособность». Таких военных часто отказывались принимать из-за их дурной репутации и поведения госпитали и монастыри, со стороны населения отношение к ним было резко негативное³⁴, поэтому Ла Ну и Монлюк одинаково почти молят короля «создать места для бедных искалеченных и раненных солдат, чтобы позаботиться о них и дать им некоторую пенсию»³⁵, — это позор, что во Франции о людях заботятся меньше, чем о животных³⁶. Но даже большинство здоровых и молодых солдат в мирное время с роспуском армии теряло средства к существованию. Отсюда и психология жизни одним днем и мщение заранее за будущие унижения и лишения, тем более что даже в войсках отсутствовало амбулаторное лечение и санитарная служба. Нашим современникам трудно представить, что раненому на поле боя не обеспечивался даже самый элементарный уход и лечение, после сражения обыкновенно было добывать как раненых солдат противника, так, порой, и собственных тяжелораненых, как это делали имперские солдаты, отступая от Меца³⁷. И вновь, помимо психологических причин, жестокость по отношению к солдатам противника имела ту же материальную подоплеку: это и устранение своих конкурентов на рынке наемной рабочей силы, и способ запугать на будущее, и способ добыть путем пыток сведений о наличии денег. Так, например, после взятия в 1552 г. Глазона, солдаты Пикардийской банды деловито вскрывали и пленным, и убитым солдатам противника животы, но делали они это не из садистских побуждений, а исключительно с целью достать деньги и украшения, которые могли быть теми проглочены³⁸.

Уничтожение пленных солдат противника, как и сам отказ брать в плен, могли иметь разную мотивацию, но, по мнению самих авторов мемуаров, на первом месте стояла элементарная месть, которая могла сочетаться с материальным интересом и часто распространялась и на мирное население, особенно если речь идет о штурме города или крепости. Иногда командующий или капитан мог оказаться заложником собственных солдат, которые зверели от потери близких друзей в результате оказанного сопротивления. В 1541 г. в стычке у местечка Мопы в Италии солдаты Монлюка, разъяренные смертью одного из их боевых товарищей, особо любимого всеми, и ранением двух других, загнали солдат противника в дома, подожгли их и не давали вырваться оттуда, пока те не сгорели заживо³⁹. Капитан Лаунди при вылазке из города Шольни в 1557 г. убил испанского капитана, сдавшегося в плен принцу Конде. Принц хотел сурово наказать его за этот дерзкий поступок, но капитан объяснил его тем, что в день сражения при Сент-Кантене он видел этого испанского капитана убивавшим французских пленных, кроме

того, тот смертельно ранил лучшего из его солдат⁴⁰. Этот мотив мести за погибших товарищей и месть за упорное сопротивление создавали в условиях войн XVI в. систему террора, в которой существовала собственная логика: между враждующими сторонами сложилась своего рода традиция кровной мести, где в качестве коллективного ответчика выступали, например, выходцы с одной территории или одной национальности, все солдаты, воевавшие под командованием одного капитана и т.д., что опять-таки усиливало отмеченную выше тенденцию к групповой (регионально-национальной) солидарности. Так, Рабютен, описывая боевые действия в Бельгии и Пикардии, пишет о бургундцах, воевавших на стороне императора, что «милосердие мало употребляется ими», особенно в отношении к французам⁴¹. За каждое свое поражение в открытом бою они жестоко отыгрываются на французах, которые попадают к ним в плен или остаются ранеными на поле боя в мелких стычках и засадах, так что «лучше попасть в когти дикого зверя, чем положиться на их милосердие и милость»⁴². Особо французов потряс случай, произошедший в 1551 г. в местечке Мобер. Капитан Гурд и 25 его солдат, в основном дворяне, попали в плен и были заживо изрублены на куски топорами⁴³.

Как бургундцы, так и немецкие ландскнехты игнорировали дворянское происхождение своих пленных, зачастую предпочитая их смерть выкупу. 28 октября 1552 г. в бою у Неф-Шателя бургундцы и ландскнехты принца Альбрехта Бранденбургского устроили резню французских дворян из роты д'Омаля, в их числе был убит уже славившийся в плен принц крови из Бретонского дома герцог Роган (случай столь же беспрецедентный, как и убийство во время Религиозных войн принца Конде), всего же было вырезано более 200 дворян⁴⁴. В эпоху Итальянских войн (1494-1559) взаимоотношения солдат разных наций стали устойчивой традицией, а месть — правилом, повторявшейся каждый раз. Так, например, при взятии имперцами г. Теруена (1553) бургундцы и немцы устроили резню французов, в том числе и дворян⁴⁵. При этом испанцы повели себя благородно, спасая французов: это было сделано в благодарность за спасение французским военачальником герцогом Франсуа де Гизом шести тысяч испанцев при взятии г. Меца⁴⁶. За это французы в свою очередь оплатили им той же монетой: год спустя французы, взяв Бувиц, отпустили взятых в плен испанцев в благодарность за их поведение в Теруене, остальных пленных вешали, отрубали головы или расстреливали, загнав в реку⁴⁷. В битве при Ренти в июне 1553 г. французы устроили себе настоящее развлечение, уничтожая отступавшего противника: убивали всех без разбора и не смотря на благородное происхождение, так что даже герцогу Савойскому и Дону Фернану, командовавшим имперской армией, для своего спасения пришлось бросить лошадей, оружие и спастись в глубине лесной чащи, спрятавшись под кустами⁴⁸.

В Италии, где по всеобщему мнению (или заблуждению) велась самая настоящая «куртуазная» война, дело обстояло аналогично, разве что преобладали военные контингенты иного национального состава. Там уже именно испанцы отличались особой жестокостью, в первую очередь

по отношению к итальянцам на французской службе, которых расценивали как государственных изменников. Во время перемирия в нарушение его условий испанцы неоднократно устраивали настоящую облаву на итальянцев, возвращавшихся домой или направлявшихся для вербовки к французской армии. По сообщению французского мемуариста Пьера де Брантома, после подобных акций массового уничтожения итальянцев на французской службе при осаде г. Пармы, Генрих II даже отдал Бриссаку приказ вести смертельную войну против испанцев (*guerre à outrance*)⁴⁹. В своем письме Генриху II от 31 октября 1547 г. французский военачальник Пьетро Строцци, командовавший после смерти Иоанна Медичи «Черной бандой», состоявшей в основном из немецких и итальянских наемников, отмечает «исключительные старания, прилагаемые слугами императора, дабы сюда не прибыли ни один солдат... Они больше склоняются к войне, чем к миру, ибо иначе они не стали бы преследовать, убивать или отправлять на галеры всех, кто хочет перейти на службу к вашему величеству, будь то подданные императора или нет»⁵⁰. В начале 1551 г. маршал Бриссак по приказу Генриха II распустил почти все части, состоявшие из итальянцев, т.к. казна не имела средств на их содержание. Дон Феррандо де Гонзаго, наместник императора в Италии, устроил на этих итальянцев настоящую охоту: все дороги были перекрыты и все солдаты, у кого не было бумаг от капитанов, удостоверявших службу в войсках императора, уничтожались на месте. Таким образом было истреблено масса народу⁵¹.

Настоящая война на уничтожение шла в Италии между швейцарцами и испанцами. Все началось с того, что маркиз де Гуаст осаждал городок Мондови, гарнизон которого состоял из швейцарцев, небольшого числа французов и итальянцев. Когда в городе кончились припасы, гарнизон капитулировал под честное слово сохранить им жизнь, свободу и оружие. Однако маркиз нарушил свое слово дворянина и приказал перебить гарнизон, в том числе и 1200 швейцарцев. С тех пор швейцарцы никогда и нигде не давали пощады испанским солдатам и дворянам, убивая всех, кто попал им в руки; тем, кто просил пощады, они говорили только одно слово: «Мондови»⁵². При этом перед убийством они не забывали донага раздеть солдат противника, чтобы затем воспользоваться их одеждой. При взятии крепостей в Италии испанцы систематически убивали капитанов и командиров, а остальной гарнизон вешали на крепостных стенах, как это было в пьемонтскую кампанию 1552 г. (этот всплеск убийств пленными испанцами был спровоцирован тем, что до них дошло обидное прозвище, которым французы дразнили испанских солдат: «soldats de la painatte»)⁵³. Повешение считалось у солдат весьма позорной казнью и недостойной смертью для военного человека. Но особой жестокости действия испанцев достигли в 1555 г., когда за дело взялся герцог Альба: так, например, после взятия Бриссаком важной крепости Касаль (обошедшегося, кстати, без каких-либо эксцессов), Альба 10 марта 1555 г. перебил весь гарнизон замка Фрасинет дю По, при этом капитан гарнизона был повешен, французов сослали на гале-

ры, итальянцы были истреблены⁵⁴. Французы оплачивали тем же: за гибель любимого французами капитана Ракана, повешенного испанцами после взятия города Сан-Мартин, они отомстили, повесив при взятии замка Гравезан испанского капитана и шесть солдат, остальной гарнизон был просто перебит⁵⁵. Это делалось несмотря на то, что маршал Брисак 16 августа 1553 г. заключил с испанцами договор о «хорошей» войне (переговоры о заключении такого договора тянулись с 1551 г.), регулировавший правила обращения с пленными, их обмен и выкуп за них. Аналогичный договор о «хорошей» войне удалось заключить с англичанами и Гаспару де Шатильону, адмиралу Колиньи, хотя те, по словам Брантома, вели против французов «очень плохую войну», никогда не брали французов в плен и тем, кто попадал им в руки, они отрубали головы и натывали на пики⁵⁶. На договор они согласились только после того, как Шатильон стал обращаться с англичанами еще хуже⁵⁷.

Сам факт попыток поставить взаимоотношения воюющих сторон на договорную основу весьма примечателен. На наш взгляд, в первую очередь это свидетельствует о том, что прежние правила и традиции (прежде всего рыцарские) перестали играть роль норм, регулирующих допустимые границы действий противников по отношению друг к другу. Основную массу воюющих стали составлять наемники-простолюдины, которые своим поведением и нормами отношения к противнику определяли характер взаимоотношений воюющих, в том числе и дворян.

В солдатской среде возникали на уровне традиций своего рода негласные договоренности: под запретом было использование во время боя знамен и знаков отличия противника (для маскировки)⁵⁸, видимо уже в XVI в. существовали ограничения на определенные виды оружия и боеприпасов, как позже в XVII в. запрещалось применение нарезных ружей, стальных пуль, стрельба рубленными, разрезанными, зазубренными пулями, картечью и пулями прямоугольной формы, а также применение цпаг и мечей с волнистым клинком⁵⁹. Тех, у кого на поле боя находили подобное оружие и экипировку, ждала неминуемая, часто очень долгая и мучительная смерть. На солдат, применявших эти средства, действие правил «хорошей» войны никак не распространялось. Известно, что во времена Религиозных войн шотландский дворянин из рода Стюартов убил во время боя коннетабля Франции Анн де Монморанси, воспользовавшись каленой стальной пулей, легко пробившей нагрудный панцирь последнего, поэтому, когда в битве при Жарнаке Стюарт был взят в плен, он, несмотря на то, что являлся пленником командующего маркиза де Виллара, был убит братом коннетабля именно за использование столь подлого оружия⁶⁰. Здесь вендетту за убийство родича трудно отделить от наказания за использование запретного оружия, но то, как именно был убит коннетабль, сыграло решающую роль в решении командующего дать разрешение на расправу.

Другой стороной войны являются отношения военных и мирного населения. Здесь мы наблюдаем полное расхождение реальной практики и королевских ордонансов о военной дисциплине. Здесь нет ничего

удивительного, война всегда воспринималась как средство обогащения за счет военной добычи. Однако в XVI в., с появлением массовых армий, военный грабеж обретает иной масштаб и принимает характер самообеспечения войск в условиях нехватки материальных ресурсов для ведения войны, своего рода «реквизицией». Для командиров, в том числе и дворян, дать солдатам право на захват имущества мирного населения, было своего рода формой поощрения и стимулирования их храбрости в бою. Такой грабеж был узаконен военной традицией, существовало неписаное правило: если город не капитулировал, а брался штурмом, захватывался ночью или при помощи военной хитрости, то все жители и их имущество принадлежали победителям⁶¹. Впрочем, если город капитулировал, гарантий тоже было мало. При обороне города из него обычно выпускались за стены жители, которые служили лишними ртами, сокращая запасы продовольствия и воды. Иногда их выход из города становился настоящей бойней, как это было 31 октября 1554 г., когда Монлюк, оборонявший Сиену, выпустил из города несколько тысяч стариков, женщин и детей. Испанцы устроили им резню, сопровождавшуюся изнасилованиями и актами садизма, особенно в отношении детей, соревнуясь в фантазии способов пыток и убийств⁶². Впоследствии современники ставили Монлюку в вину, что он слишком поздно озабочился выводом из города лишних ртов, что и привело к этой бойне⁶³. В военных целях в качестве укреплений используются аббатства, церкви и монастыри, что лишает их статуса убежища для мирного населения. О таких случаях во время военной кампании 1551-1552 гг. повествует Рабютен. Например, аббатство Горзе берется штурмом, все находящиеся внутри «берутся на шпагу», затем грабеж, разорение и поджог⁶⁴. Один день бургундцы разрушают церковь в деревне Бриолли⁶⁵, на другой день французы устраивают резню в соборе деревни Монтфолькон, причем ведут себя при этом так, что «турки и неверные не могли бы желать большего»⁶⁶. В итальянских хрониках стиль взятия городов французами выделяют особо, например взятие ими Капуи 24 июля 1501 г. или взятие Равенны 29 марта 1512 г.: французы не берут пленных, убивают как военных, так и мирных горожан, грабят и оскверняют церкви и насилуют даже монашек⁶⁷. При взятии Бреши (где, по словам Брантома, в полной мере проявилась кровожадность французов и немцев⁶⁸), был полностью уничтожен гарнизон, сильно пострадало мирное население, а город был разграблен так, что в миг разбогатевшие французские солдаты не желали продолжать воевать; начавшееся массовое дезертирство привело к тому, что французы имели большой недостаток в силах, сказавшийся в битве при Равенне⁶⁹. Франсуа де Сцепо, маршал Вьевиль, бывший командантом Меца после его героической и победоносной обороны, пишет о своих попытках в 1553 г. установить в городе дисциплину, поскольку солдаты не только обирали горожан, но грабили и убивали купцов, подвозивших в город припасы⁷⁰. Некоторые капитаны похитили жен, дочерей и сестер у самых богатых и именитых горожан и, получив за них выкуп, продолжали их удерживать в качестве наложниц в течение более

восьми месяцев⁷¹. Чтобы вернуть женщин семьям Вьевиллю пришлось ночью провести настоящую войсковую операцию, поскольку некоторые даже оказали вооруженное сопротивление, а казнить преступников, виновных в систематических грабежах торговцев, пришлось не в полдень — традиционное время экзекуций, а на рассвете, чтобы избежать противодействия капитанов и их солдат наказанию своих товарищей. В ходе операции по освобождению горожанок выяснилось, что удерживались также 22 монашенки, принадлежавшие к знатнейшим дворянским родам Лотарингии, похищенные еще во время осады из соседних аббатств и считавшиеся погибшими⁷². Как практик-комендант города Вьевиль заключает, что тот, кто размещает солдата в своем доме, перестает быть его хозяином, надо быть готовым к потере имущества, денег, свободы и добавить к этому смертельную опасность для чести своих домочадцев женского пола⁷³. И это в городе защищаемом, а не захваченном только что с боем. Ужас от взятия города был своего рода знаком в «языке войны», предупредившим другим, попыткой подавить психологически и предотвратить сопротивление остальных. Это вполне справедливо, но случай, описываемый Вьевилем, не укладывается в данное объяснение: над таким «языком войны» доминирует чисто материальный интерес солдатской массы, перед которым оказывается бессильной воля любого военачальника.

В условиях войн XVI в. ощущалась постоянная нехватка денежных средств у воюющих сторон. Особенно опасны были задержки в выплате жалования войскам, которые могли, взбунтовавшись, совершить все что угодно, от простого бунта, закончившегося, как правило, убийством командиров и всеобщим грабежом, до отказа идти в бой, в результате чего срывались планы военных кампаний и сражений. Впрочем, могла наблюдаться и обратная картина: поскольку за сражение или литурм полагалась либо двойная плата, либо с этого момента начинался отсчет нового месяца, то солдаты могли, наоборот, заставлять своих командиров принять сражение, как это сделали швейцарцы в битве при Биккоке, что стало причиной сильного поражения французов. Существовала и опасность прямого перехода отрядов в полном составе на сторону противника, если солдаты полагали, что у того водятся деньги. «В этой войне, — писал Таванн, — побеждает тот, у кого есть последний кусок хлеба и последний экю или тот, кто сумеет притвориться таким»⁷⁴. Это была проблема не только французов, но и их противников, в июле 1544 г. сюринтендант имперской армии писал вице-королю Сицилии принцу де Мольфетта, Феррану де Гонзаго: «Если срочно не провести смотр, у вас не останется и трети людей. Капитаны сообщают, что пехота настроена нестерпимо и весьма враждебно: причиной тому звон французских экю»⁷⁵. На смотре выяснилось, что роты (у испанцев они были по 400 чел.) потеряли за счет дезертирства от 20 до 200 чел., один из отрядов ландскнехтов в полном составе и во главе со своим капитаном перешел на сторону французов⁷⁶.

Для Монлюка и остальных военных — авторов мемуаров XVI в. подчинение солдат приказам своего командира непосредственно во время

боя было гораздо важнее, чем соблюдение королевских ордонансов, предписывавших нормы поведения солдат по отношению к мирному населению. Во время боя для поддержания дисциплины не останавливались ни перед чем: Монлюк во время боя ставил позади своих людей своего рода «заградительный отряд», который должен был убивать тех, кто осмелится покинуть строй и бежать с поля боя⁷⁷. Маршал Бриссак, которого современники превозносили как создателя самой лучшей военной дисциплины, превратившей французскую армию в Пьемонте в лучшую военную школу, во время боя, осады и стоянки лагерем требовал полного подчинения и применял самые суровые меры наказания. Тем не менее, когда не хватало средств на содержание войск, просто вел армию на взятие какого-нибудь города. Так, когда войска в 1557 г. были в ужасном состоянии, Бриссак повел их на взятие города Кера⁷⁸. При этом, как отмечает его мемуарист барон де Виллар, весь тысячный гарнизон, состоявший из испанцев и немцев был перебит, а город был «совершенно разграблен, как это обычно водится за очень скверной натурой французов»⁷⁹. Точно так же и испанцы, например маркиз Мариньяно, который, когда при осаде Сиены взбунтовался полк корсиканцев, отправил их грабить вдоль флорентийской дороги и позволил разграбить город Монтериньони⁸⁰. Интересно, что ответственность за плохую дисциплину в войсках военные, например, Монлюк и Ла Ну, возлагают на короля, поскольку нельзя требовать ее с солдат, если они не получают жалования и знают, что в старости или в случае увечья и болезни их не ждет и малейшая забота⁸¹. Особо патетично это делает Монлюк: «О, сколько опасности существует для тех, кто носит оружие и прежде всего для тех, кто командует, если нет в них большого милосердия: необходимость войны нас заставляет вопреки нам самим совершать тысячи злодейств, цenia жизнь человека не больше жизни курицы, и жалобы народа, который нам приходится по необходимости пожирать, порождая каждый день вдов и сирот, посылает нам все проклятия, которые только можно придумать»⁸². Виноваты в такой ситуации, естественно, короли, которые, «раз уж хотят вести войну, должны платить хотя бы тем, кто идет за них умирать, чтобы тем не приходилось творить те злодеяния, которые они осуществляют»⁸³. Для военных, как солдат, так и их командиров, грабеж и военная добыча становилась хорошим подспорьем к нерегулярно выплачиваемому жалованию, и каждая задержка зарплаты становилась предлогом, оправдывающим акты насилия. Бороться с этим было бесполезным занятием: требовать от солдат, не получающих средств на жизнь (тогда солдат нанимался на службу со своим собственным оружием и амуницией и должен был полностью экипироваться, кормиться и содержаться за счет собственных средств, эти расходы входили в его оплату), хорошей дисциплины было невозможно.

При этом надо отметить, что мемуары, отмечаая акты насилия по отношению к мирному населению, имеют в виду исключительно города. Разорение деревень — дело обычное и само собой разумеющееся, которое нельзя ни предотвратить, ни покарать, и поэтому редко отмечаемое

авторами. Ла Ну, который вообще резко отрицательно воспринимает любые проявления насилия военных к мирному населению, считая, что не стоит из чрезвычайного действия делать всеобщий обычай⁸⁴, противопоставляя в этом внешние войны гражданской войне во Франции, тем не менее, признает, что военные — «ужас деревень», но так было всегда, французы вели себя многие годы подобным образом и в Пьемонте⁸⁵. Но что для Ла Ну недопустимо, так это перенос правил войны с иноземного населения на свое собственное, поскольку по отношению к населению враждебных государств оно «не изумляет и не нуждается в извинениях, хотя в нем следует сохранять меру, делая исключение для бедняков, вдов и сирот, столь дорогих Господу Богу»⁸⁶.

Если говорить об общем отношении авторов в своих мемуарах к подобным фактам, то это скорее досада на неизбежное зло, которое осложняет ведение боевых действий и создает дополнительные сложности для выполнения возложенной на войска боевой задачи. Так, Тавани отмечает, что единственной причиной, по которой испанцы после полного разгрома французов при Сент-Кантене, когда им была открыта прямая дорога на Париж, на которой они не встретили бы и малейшего сопротивления, не смогли воспользоваться плодами своей победы, стало то, что победители полностью потеряли свою армию, разошедшуюся для безнаказанного грабежа⁸⁷. Эта ситуация завершала каждое столкновение противников, и победитель в бою мог в итоге оказаться побежденным. Описывая стычку, произошедшую между своим отрядом и испанцами возле Кавильмора в 1542 г., Монлюк пишет, что в конце боя при нем не осталось и двух аркебузирова, а при капитане Монсе, командовавшем конницей — и одного всадника: все так увлеклись грабежом багажа и лагеря противника, тем более, что в нем обнаружили немецких и испанских проституток, и неприятелю хватило бы в этот момент 20 всадников, для превращения победы французов в их полное поражение⁸⁸. Как пишет Монлюк, солдаты, ослепленные золотом, не желают брать в расчет даже соображения собственной безопасности⁸⁹.

Капитаны сами использовали жадность своих солдат, например, сообщая им перед боем, что солдаты противника только что получили свое жалование. Но, раз приучив солдат к грабежу, остановить его дальше было уже невозможно даже при своевременной выплате жалования. Особенно тяжело было соблюдать порядок при взятии городов. Здесь таким примерам нет числа. Так, при взятии в 1536 г. Авиньона маршал Вьевиль был вынужден казнить пять-шесть солдат и капитана Арнейле, подстрекавшего свою роту и всех остальных разграбить город. Любопытно, что Вьевиль озабочен даже тем, чтобы были сохранены жизни и имущество равно христиан и евреев, проживавших в городе — такие уточнения в мемуарах не делал никто кроме него⁹⁰. В ночь с 6 на 7 октября 1545 г. штурм Булони провалился из-за того, что ворвавшиеся в нижнюю часть города итальянцы и гасконцы занялись грабежом, что дало англичанам возможность собрать силы и выбить французов⁹¹. В 1543 г. после взятия Люксембурга его гарнизон, состоявший из 10 тысяч

легионеров Шампани и Нормандии под командой графа де Бриена, разбрелся мародерствовать по всей округе, при этом в ротах не осталось и 30 человек⁹². Ницца, которую в 1543 г. совместно штурмовали французы и турки, тем не менее была разграблена не союзником французов — Барбароссой и его пиратами, а самими французами — отрядами капитанов Мишле и Магдалона (и это несмотря на то, что город капитулировал)⁹³. В 1554 г. в Пикардии французам пришлось вступить в бой с состоявшими на французской службе отрядами немецких наемников, попытавшихся разграбить уже капитулировавший город Диснан⁹⁴. Взятый французами город Тионвиль (май 1558 г.) Вьевиллю и Монлюку пришлось охранять от собственных солдат, поставив его ворота и опорные пункты под контроль лично преданных им капитанов и солдат⁹⁵. При взятии Кале Франсуа де Гизом (6 января 1558 г.) начался такой всеобщий грабеж, что даже баскский капитан Сент-Этьен Одноглазый, которому была поручена охрана всех городских ворот, боясь упустить долю себе и своим людям, вместо охраны города присоединился к грабежу⁹⁶. Но самый беспрецедентный случай, на мой взгляд, произошел при взятии города Ивуа (около Седана) в 1552 г. Город сдался после продолжительной и тяжелой осады, поэтому коннетабль Монморанси решил отдать под охрану жандармов (не исключено, правда, что при этом он просто хотел дать возможность первоначального грабежа своим собственным людям и подчиненным своего сына). Узнав об этом решении, которое полностью противоречило сложившейся традиции, французская пехота и ландскнехты пришли в бешенство, так как, вынеся все невзгоды осады, постоянное нахождение в траншеях под пушечными выстрелами, они теперь лишились «законной» надежды на компенсацию. Они ворвались в город через брешь и занялись грабежом. Когда коннетабль пытался остановить его, солдаты вступили в бой с жандармами, при этом сын коннетабля едва не был убит (пуля пробил его шляпу), был убит его корнет, квартирмейстер (*mareschal de logis*) и несколько прево со своими помощниками. В результате коннетабль и его люди, подвергшиеся обстрелу из всех дверей и окон в городе, вынуждены были отступить, а пехотинцы продолжили свое занятие и делали в городе все, что им заблагорассудится⁹⁷. Рабютен, описывая марш французских войск, пишет, что за ними следовал огромный обоз, в несколько раз превосходящий по своим размерам саму армию, поскольку все, вплоть до последнего солдата и их слуг, везли добычу на повозках, лошадях и ослах. Тащили все: мебель и домашнее имущество, одежду, посуду и домашних животных от куриц до лошадей⁹⁸. Брантом обобщает: само военное занятие воспринимается многими как занятие грабежом, но только узаконенное и почти всегда ненаказуемое⁹⁹.

Таким образом, мы можем констатировать, что характер поведения наемных солдат — участников войн XVI в., как и во время любой другой войны, определялся в первую очередь материально-экономическими факторами, представлениями о «праве войны», бытующими в основной массе воюющих, а также способностью властей и командования воздей-

ствовать на поведение военных. В соответствии с новым групповым делением военных, объектом правил и традиций войны становится весь коллектив, образующий то или иное военное формирование; социальное происхождение для военных начинает играть меньшую роль по сравнению со степенью профессионализма военного и его принадлежностью к определенному отряду. Все члены военного сообщества были вынуждены играть по общим правилам, соблюдая нормы поведения, принятые в конкретных национальных, региональных или иных военных формированиях. Понятия «хорошая» и «плохая» война имеют в виду те принципы отношения к противнику, которые формируются в результате складывания у противников определенных устойчивых стереотипов и традиций в отношении друг друга; весь состав отряда выступает в роли коллективного ответчика за свои действия. Дворяне, вливаясь в качестве солдат и капитанов в состав таких отрядов, вынуждены в первую очередь руководствоваться теми нормами, которые в них существуют; их поведение теперь более определяется «полковыми традициями», а не обычаями войны, принятыми среди благородных рыцарей. С этой точки зрения «куртуазность» войны теряет рыцарский характер, принимая форму правил «хорошей войны», возникших не без влияния рыцарской идеи взаимоуважения воюющих. Но соблюдение этих правил зависит в первую очередь от основной массы воюющих, что ограничивает и проявления «куртуазности» со стороны военных дворянского происхождения.

Коренное отличие войн XVI в. от войн предыдущей эпохи состоит в том, что армия XVI в. — это массовая наемная армия, поэтому узаконенный военный грабеж приобретает характер формы снабжения армии и ее самофинансирования, не говоря уже об увеличении масштабов опустошения и уничтожения по сравнению с предыдущей эпохой. Эта модель рождена условиями, когда реальное финансирование войны заметно отстает от потребностей¹⁰⁰, и властям, которые не в силах заставить собственных солдат подчиняться ордонансам о военной дисциплине, не остается ничего другого, как признать де факто сложившиеся у военных представления о праве войны. В конвенциях о «хорошей войне» стороны, устанавливая границы грабежа, нормы выкупа военнопленных, ограничивая жестокость в отношении противника непосредственно во время боя и после него, делают исключение для взятия обороняющихся городов и сражений, дающихся в сельской местности¹⁰¹. Характерен отказ военных в этих договорах вообще прописывать нормы своих отношений с мирным населением: статьи касаются исключительно их самих. В войнах XVI в. мы имеем дело с системой, при которой «война кормит войну», и военных, в своей массе являющихся профессиональными наемниками, которых не интересует мнение на этот счет остального общества, что в наиболее яркой форме проявится век спустя во время Тридцатилетней войны.

- 1 Ландскнехтами называлась созданная в конце XV в. императором Священной Римской империи Максимилианом I вооруженная и сражающаяся на манер швейцарцев немецкая пехота, вербовавшаяся первое время исключительно из австрийцев — жителей родовых императорских владений. Затем ландскнехты, превратившиеся в своего рода корпорацию наемников, стали обозначением немецкой наемной пехоты вообще. Рейтарами называлась немецкая кавалерия, вооруженная новым огнестрельным оружием — пистолетом, которая была организована в эскадроны и сражалась правильным строем.
- 2 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. Т. XXIII. P. 180.
- 3 *Quatrefages R.* Un professionnel militaire: l'infante du tercio. L'homme de guerre au XVI siècle. Saint-Etienne, 1992. P. 194-195.
- 4 Следует отметить, что мы не рассматриваем здесь ни вопрос о формировании наций, ни вопрос о правомерности использования этого термина. Мы используем слово «нация» в том служебном значении, какое придавали ему авторы мемуаров, хотя подобные рассуждения весьма информативны для данной проблемы.
- 5 *Monluc, Biais de.* Commentaires 1521-1576. Lyon, 1593. Т. I. P. 156; Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. Т. XXIII. P. 180.
- 6 *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 417.
- 7 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. Т. XXIII. P. 209: «...les italiens ne se jettent au danger lequel ils cognoissent avant que d'y estre trop périlleux; les français et les espagnols s'en retirent; les suisses grossier sont morts avant qu'ils le cognoissent». Абсолютно аналогичное мнение о свойствах солдат разных наций мы находим у М.Монтеня, который приводит их со слов итальянского военного и был склонен считать более шуткой, нежели правдой: «Сообразительность и проницательность итальянцев ... так велики, что они заранее способны предвидеть подстерегающие их опасности и бедствия, ... на войне они часто спешат позаботиться о своем самосохранении еще до столкновения с опасностью, между тем как французы и испанцы, которые не столь проницательны, идут напролом, и им нужно воочью увидеть опасность и ощутить ее, чтобы почувствовать страх, причем даже и тогда страх не удерживает их; немцы же и швейцарцы, более вялые и тупые, спохватываются только в тот момент, когда уже изнемогают под ударами». См.: *Монтень М.* Опыты. М., 1997. Т. I. С. 491.
- 8 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de.* Oeuvres complètes. La Haye, 1740. Т. IX. P. 36.
- 9 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de.* Op. cit. Ibidem.
- 10 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. Т. XXIX. P. 86.
- 11 *Monluc, Biais de.* Op. cit. Т. I. P. 8.
- 12 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. Т. XXIII. P. 183-184, 241.
- 13 *Monluc, Biais de.* Op. cit. Т. I. P. 46.
- 14 *Monluc, Biais de.* Op. cit. Т. I. P. 215.: «ce peuple n'est agguerry, il compose de diverses nations ... ce n'est pas la race des Césars, Catons, Scipions ... il y a la trop de délices et voluptez pour produire grand nombre d'hommes de guerre».
- 15 *Monluc, Biais de.* Op. cit. Т. I. P. 156.
- 16 *Rabutin F.* Commentaires des derniers guerres en la Gaule Belgique. Paris, 1574. P. 55; *Brantôme, Pierre de Bourdeille de.* Op. cit. Т. IV. P. 10.
- 17 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. Т. XXIII. P. 293: «Les français et les allemands se sont de jeunesse eslargis l'estomac par trop manger, gouffre insatiable, source de maladies, malaise a retraissir par jeunesse».
- 18 *Monluc, Biais de.* Op. cit. Т. I. P. 156.
- 19 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de.* Т. VII. P. 313.

- 20 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIII. P. 242.
- 21 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIII. P. 91; *La Noue, François de*. Discours politiques et militaires. Basel, 1587. P. 269.
- 22 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 68; Institution de la discipline militaire au royaume de France. Lion, 1559. P. 14-15.
- 23 *La Noue, François de*. Op. cit. P. 269.
- 24 *Маккиавелли Н.* Указ. соч. С. 381.
- 25 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 67: «...la première fureur des françois estre violente et d'abordée intolérable».
- 26 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 74.
- 27 Institution de la discipline militaire au royaume de France. Lion, 1559. P. 14-15.
- 28 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 104.
- 29 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 104.
- 30 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 2; *La Noue, François de*. Op. cit. P. 184.
- 31 *Carminati I.* L'image des français dans les chroniques urbaines italiennes 1494-1515. Lion III, 1998. P. 126; *Zeller G.* Institutions de la France au XVI siècle. Paris, 1948. P. 303-304.
- 32 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIII. 207.
- 33 У французов в период Итальянских войн отсутствовали полки как постоянные и самостоятельные организационно, тактически и административно-хозяйственные единицы. В мирное время пехота распускалась, на службе оставались отдельные роты, которые в случае войны собирались и составляли отдельный отряд — банду. Старыми бандами назывались отряды опытных ветеранов, имевшие устойчивый характер во время войны и во время мира, в то время как новые банды формировались только во время войны заново и состояли из новобранцев.
- 34 *La Noue, François de*. Op. cit. P. 305; *Monluc, Biaise de*. Op. cit. I. P. 4.
- 35 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 263: «L'une des principales chases c'est d'establir des lieux pour les pauvres soldats estropiés et blessez tant pour les penser, que pour leur donner quelque pension...».
- 36 *La Noue, François de*. Op. cit. P. 270.
- 37 *Cerad J.* La médecine et l'homme de guerre a la Renaissance. L'homme de guerre au XVI siècle. Saint-Etienne, 1992. P. 236.
- 38 *Susane L.* Histoire de l'infanterie française. Paris, 1876. P. 85.
- 39 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 47.
- 40 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 328.
- 41 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 18.
- 42 *Rabului, François*. Op. cit. P. 19: «...et ou il se trouvent les plus forts et que nos soldats sont par eux rompuz, et par leur foule renversez: mieux leur adviendroit de tomber entre les griffes de bestes brutes, que se fier en leur miséricorde et pitié... Les bourginions au paravant ayans été le plus souvent battus et repoulez celle part. délibérèrent s'y trouver si forts et avec telle astuce, qu'ils se vengeroient une fois pour toutes».
- 43 Ibidem.
- 44 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 83.
- 45 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 109.
- 46 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VIII. P. 35.
- 47 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 109.
- 48 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 165.
- 49 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VII. P. 325.
- 50 Документы по истории внешней политики Франции 1547-1548. М.-Л., 1963. С. 192.
- 51 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVIII. P. 396.
- 52 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIX. P. 85; *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 89.
- 53 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIX. P. 147. Испанцы, в отличие от французов, получали хлебный паек, отсюда и это их прозвище.
- 54 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 214.
- 55 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVIII. T. 181.
- 56 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. X. P. 220.
- 57 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. P. 222. Впрочем, для Колиньи было характерно весьма жесткое отношение ко всему, что мешало установлению хорошей дисциплины, и во время Немецкого похода Генриха II со своими солдатами-новобранцами он обращался таким образом, что «на деревьях птиц было меньше, чем повешенных солдат».
- 58 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VI. P. 285.
- 59 *Дельбрюк Г.* История военного искусства. СПб., 1997. Т. IV. P. 38. Такое отношение профессиональных солдат к тем видам оружия, которые, по их мнению, чересчур негуманны, надисторично и определяется элементарным сознанием того, что это оружие может с тобой сделать. Ненависть к нему переносится на его обладателя — человека, пускающего его в действие. В связи с этим, на мой взгляд, можно привести одну цитату из романа Э.-М.Ремарка «На Западном фронте без перемен», действия которого относятся к Первой мировой войне: «Штыки мы осматриваем сами. Дело в том, что у некоторых штыков на спинке лезвия есть зубья, как у пилы. Если кто-нибудь из наших попадется на той стороне с такой штуковиной, ему не миновать расправы. На соседнем участке были обнаружены трупы наших солдат, которых недосчитались во время боя; это отрезали этой пилой уши и выкололи глаза. Затем им набили опилками рот и нос, так что они задохнулись. У некоторых новобранцев есть еще штыки этого образца; эти штыки мы у них отбираем и достаем для них другие». (Ремарк Э.-М. Избранные произведения в двух томах. Кипшинев, 1979. Т. 1. С. 70.)
- 60 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VII. P. 125-126.
- 61 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIX. P. 152.
- 62 *Sournia J.-Ch.* Biaise de Monluc. Paris, 1981. P. 128.
- 63 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VII. P. 312.
- 64 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 28.
- 65 *Rabutin, François*. Op. cit. P. 49.
- 66 *Rabutin, François*. Ibidem: «...ils commirent des meschancetez et malheurtez plus énormes, que les turcs et infidels ne les voudroient attenter».
- 67 *Carminati I.* L'image des français dans les chroniques urbaines italiennes 1494-1515. Lion III, 1998. P. 172.
- 68 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VI. P. 179.
- 69 *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. VI. P. 386.
- 70 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVII. P. 133.
- 71 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVII. P. 139.
- 72 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVII. P. 141.
- 73 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVII. P. 128.
- 74 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIV. P. 206: «Qui a le dernier pain et le dernier escu est victorieux; l'un est plus vraisemblable que l'autre...».
- 75 Цит. по: *Paillard Ch.* L'invasion allemande en 1544. Paris, 1884. P. 73-74: «Si on eust retarde les monstres, on n'eust plus trouve le tiers de gens, les piétons sont fort insolens et intolérables ainsi que le disent les capitaines: le bruit des escuz françois en est cause».
- 76 *Paillard Ch.* L'invasion allemande en 1544. Paris, 1884. P. 75-76.
- 77 *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 52.
- 78 Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXX. P. 120-121.

- ⁷⁹ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXX. P. 121: «...tant y a que de coste et d'autre nos gens combattirent si vertueusement qu'ils surmontèrent la valeur de ceux de dedans, au nombre de mil fantacins, qu'espagnols, qu'allemans, qui furent tous tuez, et la ville saccagée de fonds en comble, comme fort mauvais francois que naturellement ils estoient».
- ⁸⁰ *Soumia J.-Ch. Blaise de Monluc*. Paris, 1981. P. 126.
- ⁸¹ *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 263; *La Noue, François de*. Op. cit. P. 305.
- ⁸² *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. II. P. 221: «O qu'il y a de danger pour ceux qui portent les armes et mesmement pour ceux qui commendent, si sa miséricorde n'est grande: car la nécessité de la guerre nous force en despit de nous-meme a faire mille maux, ne tenans a plus la vie des hommes, que celle d'un poulet et puis les plaintes du peuple qu'il faut manger en dépit qu'on en aye, les veuves et orphelins que nous faisons tous les jours, nous donnent toutes les malédictions dont ils se peuvent ad-viser».
- ⁸³ *Ibidem*: «...car puis qu'ils veulent faire la guerre, il faut payer pour le moins ceux qui s'en vont mourir pour eux, afin qu'ils ne puissent faire de maux qu'ils font».
- ⁸⁴ *La Noue, François de*. Op. cit. P. 342.
- ⁸⁵ *La Noue, François de*. Op. cit. P. 271.
- ⁸⁶ *La Noue, François de*. P. 346.: «Les violences qui se font sur les peuples ennemis ne donnent esbahissement et n'ont besoin d'excuse...»
- ⁸⁷ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXIV. P. 202.
- ⁸⁸ *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 53.
- ⁸⁹ *Ibidem*.
- ⁹⁰ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVI. P. 52.
- ⁹¹ *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 101-104.
- ⁹² *Susane L. Histoire de l'infanterie française*. Paris, 1876. P. 79.
- ⁹³ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVI. P. 119.
- ⁹⁴ *Rabutin, François*. Op. cit. P. 146.
- ⁹⁵ *Monluc, Biaise de*. Op. cit. T. I. P. 261.
- ⁹⁶ *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. X. P. 116.
- ⁹⁷ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVI. P. 458.
- ⁹⁸ *Rabutin, François*. Op. cit. P. 41-42.
- ⁹⁹ *Brantôme, Pierre de Bourdeille de*. Op. cit. T. X. P. 10, 15.
- ¹⁰⁰ *Kennedy P.* Op. cit. P. 76-78.
- ¹⁰¹ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1822. T. XXVIII. P. 245: «...la présente capitulation, laquelle nous voulons et entendons avoir lieu a jamais, sans exception quelconque, reservez les jours de bataille donne en campagne, ou prises de villes par force...»